

УДК 322+323.1

DOI <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.23.80>

Крымские татары: от национальных амбиций к религиозному самоопределению

Р. Н. Лункин

Институт Европы РАН, г. Москва

Аннотация. Анализируются культурная и общественно-политическая роль ислама и религиозная политика властей в Крыму после 2014 г. на фоне российско-украинского кризиса. Статья основана на полевых социологических исследованиях религиозной жизни, которые автор проводил в Крыму в 2016 г. Экспертные опросы базируются на социально-антропологическом подходе и использовании метода развернутых интервью с респондентами. Автор делает вывод, что после 2014 г. начался новый этап развития ислама, мусульманского мировоззрения и борьбы за национальное самоопределение крымских татар на полуострове, связанный как с поисками новой самоидентификации «крымского» ислама, так и с духовными исканиями крымско-татарской интеллигенции. Для религиозного развития этого периода характерно то, что исламские объединения поставлены в жесткие рамки российского законодательства и религиозной политики властей, которая ориентирована на поддержку двух конкурирующих между собой духовных управлений мусульман. Ислам в лице Духовного управления мусульман Крыма проходит становление в диалоге или противостоянии суфизму и салафизму, а также крымско-татарскому национальному движению как оппозиционному по отношению к России, так и лояльному ей.

Ключевые слова: национальное самоопределение, религиозная идентификация, ислам, мусульманское мировоззрение, религиозная политика, суфизм, салафизм, национализм, российско-украинский кризис, религиозное законодательство.

Для цитирования: Лункин Р. Н. Крымские татары: от национальных амбиций к религиозному самоопределению // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2018. Т. 23. С. 80–89. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.23.80>

После распада Советского Союза ислам на Крымском полуострове по существу развивался с чистого листа. Несмотря на богатые исторические традиции и распространенность ислама в Крыму (активная исламизация началась с XIII в.), появление мусульманской интеллигенции и просвещенного ислама на рубеже XIX–XX вв., связанного с именем идеолога джадидизма и новометодных школ Исмаила Гаспринского (Гаспралы) (1851–1914), большевистская атеизация населения, а главное, депортация в 1944 г. народа – носителя ислама – крымских татар не только прервали, но и почти уничтожили исламскую традицию [5].

С 1991 по 2014 г. возрождение традиционного ислама происходило параллельно с развитием национального движения и при одновременном росте новых миссионерских движений, представители которых приезжали на полуостров из арабских стран и Турции [6]. Законодательство Украины не ограничива-

ло деятельность ни официально признанного Духовного управления мусульман Крыма (ДУМК), ни отдельных групп и течений. Само Духовное управление мусульман позиционировало себя в качестве носителя «традиционного ислама», но терпимого к различным проявлениям салафизма в общинах. Конфликты у «традиционных» мусульман возникали в основном с последователями движения «Хизб-ут-Тахрир» (деятельность этой организации запрещена на территории РФ как экстремистской решением Верховного Суда от 14 февраля 2003 г.). Наряду с этим первоочередными задачами крымско-татарского народа в лице Меджлиса, оказывавшего влияние на ДУМК, было приобретение политического веса и экономическое обустройство в Крыму («самозахваты» и узаконивание земель). Интересы самой сильной части крымско-татарского движения в лице лидеров Меджлиса фактически подменяли собой интересы и задачи Духовного управления мусульман (в прессе духовное управление часто называли карманным Муфтиятом или отделом при Меджлисе). В результате, по признанию многих представителей крымской интеллигенции, полноценного национального возрождения после возвращения народа не произошло, религиозное развитие было менее активным, чем можно было ожидать, а ислам, как и в других регионах постсоветского пространства, остался почти исключительно частью культурной самоидентификации народа. По существу, различные исламские инициативы стали бурно развиваться лишь со второй половины 2000-х гг.

Присоединение Крыма к России разделило национальное и религиозное движения, поставив религиозный фактор на первое место и сделав Духовное управление мусульман самостоятельным религиозно-политическим субъектом взаимоотношений с властью и обществом. Вместе с тем более жесткое российское законодательство о религии, нормы регистрации и регулирования миссионерской деятельности лишили мусульман и их лидеров того демократического поля свободы религии, которое существовало в украинский период. Однако эти обстоятельства лишь способствовали усилению религиозного фактора в политике, поскольку религия становится удобной опосредованной формой для отстаивания национальных и политических интересов.

Развитие ислама в Крыму до 2014 г. было рассмотрено в целом ряде сборников и монографий – их авторы подчеркивают постепенный рост уровня мусульманского образования, роли ислама в повседневной жизни народа [2; 6; 10]. Противоречия, ожидания и страхи, характерные для современной ситуации – после установления российской власти, законодательства Российской Федерации на полуострове Крым в 2014 г., проанализированы в статьях Э. Муратовой, Д. Мухетдинова и А. Хабутдинова [7; 8]. По словам Э. Муратовой, в обстановке растерянности большинства мусульман и конфликта внутри Меджлиса (26 апреля 2016 г. Медждлис крымско-татарского народа во главе с Рефатом Чубаровым и Мустафой Джемилевым был признан экстремистской организацией Верховным судом Крыма, 29 сентября 2016 г. это решение подтвердил Верховный Суд РФ, и оно вступило в силу) возможно несколько вариантов развития ситуации. Первый (оптимистический) предполагает постепенную адаптацию крымских татар к новым реалиям и успешную интеграцию мусульманских лидеров в российскую исламскую среду, но он требует решения про-

блем крымско-татарского народа и основан на том, что оппозиционеры эмигрируют из Крыма. Второй (пессимистический) подразумевает поляризацию крымского общества и нарастание протестных (радикальных) настроений среди мусульман. Третий (реалистичный) предполагает консервацию на определенный срок нынешней ситуации, при которой внутри общества сохранится разделение на сторонников и противников изменения статуса Крыма, а «точечное» давление силовиков не будет провоцировать массовой радикализации мусульман [7]. Между тем, по словам Д. Мухетдинова, интеграция мусульман Крыма в российскую умму в определенной степени неизбежна, несмотря на то что ни российские, ни украинские власти в свое время не приветствовали тесные религиозные связи Крыма с Татарстаном (ДУМК с ДУМ РФ и ДУМ Татарстана). Контакты духовных управлений после 2014 г. открыли новые возможности для совместного развития религиозной жизни и культурных традиций [8; 9].

Статья основана на полевых социологических исследованиях религиозной жизни, которые автор проводил в Крыму в 2016 г.¹ Предметом исследования является культурная и общественно-политическая роль ислама и религиозная политика властей в Крыму после 2014 г. на фоне российско-украинского кризиса, а объектом – исламские организации в их взаимосвязи с властными структурами и национальным движением. В качестве метода исследования выбран опрос в виде интервью с экспертами. Экспертные опросы основаны на социально-антропологическом подходе, который предполагает использование развернутых бесед (интервью) с респондентами как базы для создания аналитических материалов, описывающих социальные структуры и процессы. Итоги социологических бесед складываются в «насыщенное описание» (определение социолога К. Гирца) [1; 4, с. 31]. Было взято около 50 развернутых экспертных интервью с представителями органов власти, которые отвечают за религиозную политику, с представителями Духовного управления мусульман Крыма, отдельных мусульманских общин и движений, с лидерами национальных организаций, с журналистами, местными учеными-социологами, историками и музейной интеллигенцией, со священниками и пасторами разных христианских конфессий, с караимами. На примере исследования мусульманских организаций в современном Крыму хорошо прослеживается сложность ситуации в условиях переформатирования религиозной жизни и национального движения.

Ислам и национальное движение

Сохранение и закрепление укоренения народа после переселения на родину в постсоветский период стали приоритетными для национального движения (Курултая и Меджлиса крымско-татарского народа). Меджлис был образован в 1991 г., а Духовное управление мусульман Крыма было создано следом – в 1992 г. Ислам через лидеров и общины ДУМК лишь в 2000-е гг. начал испол-

¹ Дата проведения исследования: 2–9 октября 2016 г. Участники проекта: руководитель проекта – Роман Николаевич Лункин, глава Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН; Михаил Юрьевич Рошин, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. Место проведения: Симферополь, Севастополь, Евпатория (Республика Крым). Были опрошены несколько десятков представителей религиозных и национальных объединений Крыма.

нять роль фактора, консолидирующего крымских татар на фоне других исламских движений, которые стали появляться в Крыму. При этом лидеры национального движения видели в религиозных лидерах подчиненную себе силу, а ислам рассматривался ими только в контексте крымско-татарского вопроса на Украине.

До 2014 г. 90 % мусульманских общин Украины было сосредоточено в Крыму. По опросам 2011 г., проведенным Центром Разумкова, 18 % тех, кто назвал себя мусульманином, каждый день исполняли религиозные обряды (почти 100 % мусульман Крыма – крымские татары, на 2011 г. в Крыму проживало 12 % крымских татар). Укорененность народа в исламской традиции очевидна. Уровень религиозности среди крымских татар вполне соответствует (и, возможно, немного выше) среднему общеевропейскому уровню практикующих верующих в России и странах Евросоюза [3]. По данным ДУМК, около 10 % крымских татар регулярно посещают мечеть и выполняют пятикратные намазы, около 30 % ходят в мечеть по пятницам и около 60 % – по праздникам.

21 апреля 2014 г. был подписан Указ Президента РФ № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития». Следует отметить, что в украинский период не было принято ни одного такого рода общегосударственного акта о судьбе и статусе крымских татар. Надежды части крымских татар на то, что Россия последует старому советскому принципу наций на самоопределение и предоставит народу государственность, оказались иллюзией. Указом 2014 г. в политической плоскости тема статуса крымских татар для российской власти была формально закрыта.

Однако определенная «запретность» национальной тематики еще более повысила роль ДУМК, поскольку заявлять о национальных интересах без большого политического риска оказалось удобнее опосредованно – через отстаивание религиозных и культурных традиций. Ранее быстрой переориентации ДУМК на российскую политику способствовал радикальный разрыв с основной на Украине национальной организацией крымских татар – Меджлисом. Но пока открытым остается вопрос, удастся ли Духовному управлению мусульман (или нескольким мусульманским объединениям) перехватить повестку национального движения и найти свой путь национально-религиозного возрождения.

Стоит отметить, что национальное движение не было монолитным в украинский период и ассоциировать его полностью с Меджлисом, а тем более с его лидерами, неправильно. Существуют (как и при Украине) пророссийские движения крымских татар («Милли Фирка», «Единство Крыма»), возникло новое движение «Крым» под эгидой местных властей, куда входят и бывшие члены Меджлиса. Еще в украинский период звучала эмоциональная и резкая критика в адрес Меджлиса из среды самих крымских татар – обвинения в коррупции и сговоре с местной властью, бездействие по вопросам оформления земли для крымских татар на полуострове, статуса народа и его автономии (одним из оппонентов Меджлиса был Руслан Бальбек, ныне депутат Госдумы РФ от Крыма). Это позволяет сделать вывод, что не только новое поколение крымско-татарских политиков, но и руководство ДУМК были если не рады уходу старых авторитарных лидеров, то по крайней мере были готовы использовать но-

вые возможности после того, как Междлис прекратил свое существование. Основной пророссийской национальной организацией, связанной с ДУМК и властью, является общественная организация «Крым» во главе с Ремзи Ильясовым (заместитель председателя Государственного совета РК). Его заместителем является Заур Смирнов, глава Госкомнаца. Оба – бывшие члены Междлиса.

Разочарование во власти может повлечь за собой и разочарование в позиции ДУМК. Это может вывести на первый план и других оппозиционно настроенных по отношению к Междлису и ДУМК представителей крымско-татарского движения, хотя ни одно из них не является многочисленным или влиятельным среди всего крымско-татарского населения Крыма. Это организация «Къырым Бирлиги» («Единство Крыма», лидер – Сейтумер Ниметуллаев); бывшая партия «Милли Фирка» и ее активисты; движения, связанные с ЦДУМ-ТМ; ветераны Национального движения крымских татар (НДКТ) 1990-х гг. (Рефат Годженев и Руслан Эминов в 2015 г. встречались с С. Аксеновым). Линию НДКТ, по сути, сейчас продолжает «Къырым Бирлиги» (поддерживает контакты с Таврическим муфтиятом, но не хочет портить отношения и с ДУМК). Лояльность по отношению к новой власти проявил Совет старейшин крымско-татарского народа «Намус» (глава – Дильшод Ильясов, председатель правления Темура Челебиев). Интеллигенция со своей независимой, но в целом лояльной по отношению к России позицией группируется вокруг Библиотеки имени Исмаила Гаспринского в Симферополе.

По существу, довольно сложно отделить национальную идеологию ДУМК от идеологии лидеров Междлиса на Украине (различаются лишь методы и острота высказываний). Более того, именно радикализм киевского Междлиса делает ДУМ Крыма столь приемлемым для властей центром национального самосознания крымских татар.

Приспособление исторической памяти крымских татар к новой ситуации после 2014 г. с ее сложными отношениями с Российской империей и СССР складывается из противоречий, связанных не только с отношением к России и Украине, но и с разной оценкой того пути, который крымские татары прошли в рамках Украины после 1991 г. Как подчеркивает заместитель муфтия ДУМК Айдер Исмаилов, психологическое состояние верующих и в целом крымских татар в Крыму неоднозначное. Люди понимают необратимость процесса, но и не хотят адаптироваться к новому: «Мы ждем, пока многие, прежде всего интеллигенция, привыкнут к новому. Кроме того, надо понимать, что на протяжении 50 лет на крымских татарах было клеймо предателей – им сложно сразу переменить Родину, и в Украине этим пользуются как инструментом, а люди не могут так сразу измениться. Еще жива историческая память о царской и советской политике по отношению к этому народу. От этого происходят боязнь и недоверие к власти, страх того, что снова будут гонения, критики власти и России постоянно говорят, что вас снова депортируют (по АТР – крымско-татарскому телеканалу, расположенному в Киеве и известному своей критикой России, также об этом говорят)».

Интеграция крымских татар в общество, по мнению мусульманских лидеров, постепенно идет, но она будет происходить еще быстрее, если власти при-

меняют все льготы по отношению к крымским татарам как к репрессированному и депортированному народу: «Нужно дать крымским татарам представительство во власти, возможность участвовать в управлении их Родиной. Зарегистрированная национально-культурная автономия является просто общественной организацией, которую критикует интеллигенция и национальное движение». По словам Айдара Исмаилова, «большой вопрос – насколько уместна лишь автономия крымских татар в своей республике и у себя на Родине, которая охватывает весь Крым. Должны быть более эффективные механизмы интеграции крымско-татарского движения в общество и во власть».

На основании интервью с целым рядом общественных деятелей можно сказать, что и ДУМК, и оппонентов власти, и ее сторонников, и тех, кто за, и тех, кто против Меджлиса, объединяет одна идея: Республика Крым строится на крымских татарах, и нужно сказать открыто о том, какая нация является ядром республики. Не важно, как будет называться представительство крымских татар во власти, главное – механизм этого участия, и на это нужна политическая воля.

Духовное управление мусульман Крыма

После перехода Крыма в Россию в 2014 г. («переходом» называют это событие сами крымчане) религиозная политика на полуострове была ужесточена – это выразилось в контроле общественной деятельности, в ограничении социального служения как централизованных, так и местных религиозных организаций, в том числе исламских. В 2015–2016 гг. интенсивно проходила перерегистрация всех религиозных общин (два раза сроки перерегистрации продлевались), но по существу процесс регистрации общин по законодательству России еще продолжается.

В мусульманской сфере российские власти сделали ставку на отношения с Духовным управлением мусульман Крыма и Севастополя и его руководством (муфтием с 1992 по 1999 г. был Нури Мустафаев, с 1999 г. поныне – член Меджлиса муфтий Эмиралы Аблаев). Мусульманские лидеры быстро вписались в новую политическую ситуацию, они оказались готовы порвать с Меджлисом и осудить его действия (муфтий и его заместители периодически критикуют заявления и действия членов Меджлиса в прессе (силовые акции на границе), их антироссийские акции (выступления в ОБСЕ)). ДУМК стало активно сотрудничать с российскими объединениями – в большей степени с Духовным управлением мусульман РФ во главе с верховным муфтием Равилем Гайнутдином. Между тем ДУМК позиционирует себя в качестве независимого управления, свободного в своих контактах с конкурентами и критиками ДУМ РФ (в частности, с Альбиром Кргановым, муфтием Духовного собрания мусульман России), напрямую поддерживает отношения с ДУМ Республики Татарстан (делегация ДУМ РТ одной из первых посетила Крым в 2014 г.) и ДУМ Чечни.

В украинский период в ДУМК входило около 350 объединений, которые зарегистрировали свои уставы или же были зарегистрированы как организации. В Крыму около 300 мечетей с минаретами и молельных домов. Центральное медресе действует в поселке Азовском Джанкойского района. В 2014–2016 гг.,

по сведениям ДУМК, прошло (или проходит) перерегистрацию почти 200 общин, но другие также собираются регистрироваться.

Заместитель муфтия ДУМК Айдер Исмаилов отмечал в интервью автору², что отношения с властями и другими религиозными лидерами выстраивались годами и десятилетиями, начиная с 1991 г., когда ДУМК было зарегистрировано. Продолжает существовать Межконфессиональный совет Крыма «Мир – дар Божий» (с 1992 г.), который представляет позицию православных, мусульман, иудеев, протестантов, католиков, караимов и Армянской апостольской церкви перед руководством республики. Единственным серьезным разногласием, которое в начале 2000-х гг. привело к выходу муфтия Аблаева из совета, стало возмущение мусульман установкой православными казаками крестов у крымско-татарских сел и кладбищ. За этим последовал крестоповал, когда крымские татары срубали установленные кресты. Кроме того, ДУМК заявляло, что без представителя Киевского патриархата (УПЦ КП) не будет членом совета «Мир – дар Божий» (при российской власти эта проблема перестала быть актуальной, так как УПЦ КП стала постепенно вытесняться с полуострова). Муфтий де-факто снова вернулся в межконфессиональный совет только в 2014 г. (по крайней мере, муфтий также подписывал многие заявления совета с призывами к миру), но проблема осталась.

Характеризуя новую роль ДУМК на полуострове, можно говорить как о приобретенных им после 2014 г. преимуществах, так и потерях, выраженных в целом ряде негативных явлений. Любое социальное служение или культурные акции стали невозможны без согласования с правоохранительными органами, что остановило всю общественную работу ДУМК в переходный период 2014–2016 гг. и отпугнуло большое количество активной молодежи. Наряду с этим после 2014 г. началось строительство соборной мечети после того, как его взял под свой контроль президент В. В. Путин, подобно тому, как и собор Александра Невского Симферопольской епархии УПЦ МП в центре города был построен при поддержке президента. В Ялте 17 августа 2014 г. проходила встреча президента В. В. Путина с культурными и религиозными деятелями Крыма, среди них был и муфтий Аблаев, который попросил Путина о помощи. В 2016 г. был также открыт отреставрированный молельный комплекс «Сеит-Сеттар». Главным дивидендом, полученным от власти в настоящее время, остается строительство мечетей в Крыму под эгидой ДУМ Крыма и Севастополя. Помимо этого, активно развиваются образовательные и научные связи с исламскими вузами Москвы, Татарстана, Чечни.

Таврический муфтият

Отношения ДУМК с властями осложняет не только обсуждение национальных проблем (критика Меджлиса в адрес тех, кто остался в Крыму, и ответ на нее, невозможность для ДУМК критиковать национальную политику России), но и существование конкурентных по отношению к ДУМК мусульман-

² Полевой материал автора (ПМА). Дата проведения исследования: 2–9 октября 2016 г. В феврале 2016 г. автор также брал интервью у Айдера Исмаилова.

ских движений. В конце августа 2014 г. была предпринята попытка создания альтернативного по отношению к ДУМК – Таврического муфтията (ТМ, муфтий – Руслан Сайтвалиев, председатель – Энвер Ахтемов³), который между тем до сих остается незарегистрированным. По мнению организаторов, он должен был продолжать традиции одноименного муфтията, существовавшего до 1917 г. В 2015 г. была зарегистрирована община Таврического муфтията в Евпатории в одной из самых больших исторических мечетей полуострова – Хан-Джами. По признанию лидеров этой мечети (в интервью автору), власти и ДУМК побоялись применять силу для выдворения общины, но полиция периодически проводит проверки общины. Есть также мечети ТМ в Каменке и Судаке.

Вместе с тем Таврический муфтият занимает наиболее выраженную патристическую позицию в Крыму. В Таврический муфтият, по словам его лидеров, входит до 100 общин и групп. ТМ не является движением, созданным лишь в российский период. История противостояния по существу двух мусульманских организаций началась еще в 2010 г. Именно тогда был создан Духовный центр мусульман Крыма (ДЦМК) во главе с муфтием Ридваном Велиевым. По словам самих представителей Таврического муфтията, он работал в ДУМК, но его уволили за то, что он резко осуждал представителей запрещенной в России «Хизб-ут-Тахрир». ДЦМК стал активно выступать против «Хизб-ут-Тахрир» и арабской организации «Ар-Раид». В ДУМК еще в украинский период объявили новую организацию «сектантским» образованием и причислили к «хабашизму», хотя сами лидеры и верующие Таврического муфтията не считают себя хабашитами, а причисляют себя, так же как и ДУМК, к традиционному исламу, частью которого считают суфизм. Таврический муфтият проводит в мае ежегодный религиозно-культурный фестиваль «Къарлы Азиз», посвященный Азизу Эскендеру, суфийскому святому Крыма, умершему в 1940 г., в селе Новоульяновка, в юго-восточной части Бахчисарайского района.

Очевидно, что и в дальнейшем будет сохраняться скрытая конкуренция между двумя духовными управлениями – ДУМК и ТМ. В связи с существованием Таврического муфтията ДУМК оказывается в противоречивом положении организации, которая постоянно должна доказывать представителям власти свою лояльность и «традиционность» своей идеологии.

После событий 2014 г. в Крыму продолжился процесс формирования мусульманской крымско-татарской интеллигенции, а также своей версии (или нескольких версий) «традиционного ислама». Религия стала в большей степени, чем раньше, политическим фактором, выражающим интересы различных частей крымско-татарского сообщества. Ключевую роль в этом процессе играет ДУМ Крыма и Севастополя. Его судьба – постоянное лавирование между разными группами и интересами – условно «русской» и крымско-татарской частями власти и в целом элиты в Республике Крым; националистами в Крыму и Меджлисом в Киеве (с которым ДУМК сближает «национальная программа»

³ Полевой материал автора (ПИМА). Дата проведения исследования: 2–9 октября 2016 г. Интервью с Р. Сайтвалиевым и Э. Ахтемовым совместно с М. Ю. Роциным.

достижения автономии и собственной государственности); между «светским» исламом и салафитами (в чем союзником ДУМК и врагом «ваххабитов» выступает Таврический муфтият); между светской и религиозной интеллигенцией.

Список литературы

1. *Астахова Л. С.* Интерпретативная антропология религии Клиффорда Гирца: религиозные практики как сети значений // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2013. № 3 (31). С. 162–177.
2. *Булатов А.* Ислам в Крыму: от трагического прошлого к проблемам современности // Россия и мусульманский мир. 2013. № 4 (250). С. 51–74.
3. *Бекирова Э. Ш., Халилев Р. А.* Ислам в Крыму: современное состояние и перспективы развития // Проблеми сучасної педагогічної освіти. Педагогіка і психологія. 2013. № 40(1). С. 285–289.
4. *Гирц К.* Интерпретация культур: пер. с англ. / науч. ред. А. Л. Елфимов, А. В. Матешук. М.: Росспэн, 2004. 560 с.
5. Ислам в истории и культуре Крыма: учеб. пособие / Н. Абдульвапов [и др.]; Таврич. нац. ун-т им. В. И. Вернадского (ТНУ); РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический ун-т» (КИПУ); Духовное упр. мусульман Крыма. Симферополь: Таврида, 2013. 388 с.
6. *Муратова Э.* Ислам в современном Крыму: индикаторы и проблемы процесса возрождения. Симферополь: Эльиньо, 2008. 236 с.
7. *Муратова Э.* Мусульмане Крыма в новых политических реалиях // Восток. Афроазиатские общества: история и современность. 2016. № 5. С. 163–171.
8. *Мухетдинов Д., Хабутдинов А.* Крым: мусульманская община в контексте общего развития региона // Ислам в современном мире. 2014. № 4(36). С. 51–58.
9. *Мухетдинов Д.* К вопросу о российском мусульманстве // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11, № 4. С. 81–90.
10. *Uehling G. L.* Beyond memory: the Crimean Tatars' deportation and return. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2004. 294 p.

Crimean Tatars: from National Ambitions to Religious Self-Determination

R. N. Lunkin

Institute of Europe RAS, Moscow

Abstract. The paper analyses the cultural and social-political role of Islam and religious policy of local authorities in Crimea taking into account religious diversity of the peninsula and political conditions after March 2014 when Russia took control over the territory of Crimea during the Russian-Ukrainian crisis (Ukraine and the Parliamentary Assembly of the Council of Europe, as well as USA and many other countries, name accession of Crimea to Russia annexation). The article is based on the field sociological studies of the religious life conducted by the author in Crimea in 2016. The expert surveys were based on the social-anthropological approach and open interviews with the respondents. The author has come to a conclusion that after 2014 a new period of the development of Islam and new national self-determination of Crimean Tatars began on the peninsula associated with both self-determination of the national Islam and spiritual quests of the Crimean Tatars intelligentsia. Religious progress at that period was characterized by the fact that Islamic organizations were put in stringent conditions the Russian legislation and the religious policy of local authorities that renders support to two competing with each other Muslim spiritual authorities. Islam represented by Crimean Muslim spiritual authority is developing both through a dialogue with or opposition to Sufism and Salafism as well as Crimean Tartar national movement being both oppositional and loyal to Russia.

Keywords: national self-determination, religious identification, Islam, Muslim worldview, religious policy, Sufism, Salafism, nationalism, Russian-Ukrainian crisis, religious legislation.

For citation: Lunkin R.N. Crimean Tatars: from National Ambitions to Religious Self-Determination. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2018, vol. 23, pp. 80-89. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.23.80> (in Russian)

References

1. Astakhova L.S. Interpretativnaya antropologiya religii Klifforda Girtsa: religioznye praktiki kak seti znacheniy [Interpretative Anthropology of Religion of Clifford Geertz]. *Gosudarstvo, religiya i tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 2013, no. 3 (31), pp. 162-177. (in Russian).
2. Bulatov A. Islam v Krymu: ot tragichekogo proshlogo k problemam sovremennosti [Islam in Crimea: from the tragic past to the present problems]. *Rossiya i musul'manskiy mir*, 2013, 4 (250), pp. 51-74. (in Russian).
3. Bekirova E.Sh., Khalilev R.A. Islam v Krymu: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Islam in Crimea: the present condition and the the perspective of the development]. *Problemi suchasnoï pedagogichnoï osviti. Pedagogika i psikhologiya*, 2013, no. 40(1), pp. 285-289. (in Russian).
4. Geertz C. *Interpretatsiya kul'tur* [The Interpretation of cultures. Culturology. XX cent. Translated from English. Edited by Elfimov A.L., Mateshuk A.V.]. Moscow, ROSSPJeN, 2004. 560 p. (in Russian).
5. Abdulvapov N. et al. *Islam v istorii i kul'ture Kryma: uchebnoe posobie dlya uchiteley obshcheobrazovatel'nykh shkol* [Islam in the History and in the culture Of Crimea: the handbook for the teachers and the schools]. Simferopol, Tavrida Publ., 2013, 388 p. (in Russian).
6. Muratova E. *Islam v sovremennom Krymu: indikatory i problemy protsessa vozrozhdeniya* [Islam in the Present Crimea: the Indicators and the Problems of the Revival Processes]. Simferopol, Elinio Publ., 2008. 236 p. (in Russian).
7. Muratova E. Musul'mane Kryma v novykh politicheskikh realiyakh [The Muslims of Crimea in the New Political Realities]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost*, 2016, no. 5, pp. 163-171. (in Russian).
8. Mukhetdinov D., Khabutdinov A. Krym: musul'manskaya obshchina v kontekste obshchego razvitiya regiona [The Crimea: the Muslim Community in the Context of the Common Progress of the Region]. *Islam v sovremennom mire*, 2014, no. 4(36), pp. 51-58. (in Russian).
9. Mukhetdinov D. K voprosu o rossiyskom musul'manstve [To the Question on the Russian Muslimism]. *Islam v sovremennom mire*, 2015, vol. 11, no. 4, pp. 81-90. (in Russian).
10. Uehling Greta Lynn. *Beyond memory: the Crimean Tatars' deportation and return*. N. Y., Palgrave Macmillan, 2004, 294 p.

Лункин Роман Николаевич

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель, Центр по изучению проблем религии и общества, заместитель главного редактора журнала «Современная Европа» Институт Европы РАН
Российская Федерация, 125009, г. Москва, ул. Моховая, 11/3
тел.: 8(495)6922304
e-mail: romanlunkin@gmail.com

Lunkin Roman Nikolaevich

Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow, Head, Center for Religion and Society Studies, Deputy Editor-in-Chief of Journal "Contemporary Europe"
Institute of Europe RAS
11/3, Mokhovaya st., Moscow, 125009, Russian Federation
tel.: 8(495)6922304
e-mail: romanlunkin@gmail.com

Дата поступления: 16.01.2018

Received: January, 16, 2018